

П. К. Дашковский, Н. П. Зиберт

Влияние советской религиозной политики на положение православных общин в Западной Сибири в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

Введение

История государственно-конфессиональных отношений в последние годы все больше привлекает внимание ученых. При этом особый интерес вызывает советский период взаимоотношений государственных и религиозных институтов в регионах, в том числе в Западной Сибири, который характеризовался противоречивыми тенденциями. Доступность архивных материалов, в том числе и на региональном уровне, дает возможность более целостно и объективно рассмотреть протекавшие религиозные процессы и особенности государственного их регулирования.

Изучению функционирования православных общин в Западной Сибири посвящено значительное количество работ отечественных исследователей. Так, например, В. В. Калашник, рассматривая положение православных общин Алтайского края в 1943–1949 гг.¹, указывал на небольшую численность последних. Кроме того, автором была предпринята попытка охарактеризовать специфику и общее состояние церковно-приходской жизни в Новосибирской и Кемеровской областях в 1943–1953 гг., в результате чего был сделан вывод о начале возрождения религиозной жизни в данных регионах с весны 1944 г.² Важные региональные аспекты деятельности православных общин представлены в работах таких авторов, как А. В. Горбатов и Л. И. Сосковец³.

Следует отметить, что в вышеназванных исследованиях акцент, как правило, делался на православных общинах, функционировавших в том или ином регионе,

Дашковский Петр Константинович

д-р ист. наук,
проф., Алтайский
государственный
университет (Барнаул,
Россия)

Зиберт Наталья Петровна

канд. ист. наук, ст.
преп., Алтайский
государственный
университет (Барнаул,
Россия)

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-18-00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России»

в то время как общим региональным тенденциям в сфере государственно-конфессиональной политики уделялось недостаточное внимание. В данной работе предпринята попытка комплексного исследования положения православных общин Западной Сибири в 1948–1953-е гг. При этом авторы данной работы использовали не только уже опубликованные источники, но и значительное количество ранее неизвестных архивных материалов, что позволяет существенно расширить проблемное поле исследования. Так, например, обнаруженные новые архивные материалы позволили показать особенности положения верующих на территории Западной Сибири. Кроме того, в статье рассматриваются новые аспекты, касающиеся деятельности православных общин Западной Сибири. По-прежнему остаются дискуссионными такие вопросы, как точная численность верующего православного населения в различных регионах Западной Сибири, а также особенности взаимодействия православных с неправославными общинами в период 1948–1953 гг.

Церкви как центры религиозной жизни и проблема возобновления их деятельности в Западной Сибири

К 1948 г. период относительно благоприятных отношений между государством и церковью подошел к концу. В этой связи в государственно-конфессиональной политике, проводимой руководством страны, наметились значительные перемены. Данный факт был вызван в определенной степени разочарованием советского руководства ролью, которую играла Русская православная церковь (РПЦ) на международной арене. Это, в свою очередь, привело к значительному охлаждению отношений религиозных и государственных институтов власти⁴.

Несмотря на терпимое отношение к религии со стороны государства, сформировавшееся на протяжении Великой Отечественной войны, многие религиозные общины безуспешно пытались добиться официальной регистрации, вследствие чего в период с 1943 по 1947 г. по всей Сибири было открыто всего 94 прихода. При этом большинство ходатайств о регистрации, полученных от религиозных общин, было отклонено. Так, в Омской области из поданных 38 ходатайств об открытии церковей удовлетворено было только 7⁵. В это же время в Алтайском крае было зарегистрировано 11 церковей, в то время как ходатайств поступило 289 (93 первично и 196 повторно)⁶. Открылись также некоторые храмы в Новосибирской области, на территории которой к концу 1930-х гг. были закрыты все церкви, кроме оставшейся функционировать в Новосибирске Успенской кладбищенской церкви⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась в это время и в других регионах РСФСР. В период с 1944 по 1949 г. Совет по делам Русской православной церкви, функционирующий сначала при Совете народных комиссаров (СНК), а затем при Совете министров (СМ) СССР разрешил открыть 1297 церковей, что составило всего 20–25 % от числа полученных Советом ходатайств⁸.

Со второй половины 1947 г. в государственно-конфессиональной политике страны наметилась ограничительная тенденция⁹. Несмотря на то,

что И. В. Сталин, обращаясь ко вступающему в 1947 г. на пост секретаря ЦК М. А. Суслову, посоветовал последнему не забывать про атеистическую пропаганду (подчеркнув при этом, что религиозный вопрос сейчас не самый главный¹⁰), а Председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов неоднократно отмечал положительное влияние открытия церквей на сокращение нелегальной церковной деятельности¹¹, — в регионах развернулась компания по снятию с регистрации и закрытию церквей. Изымаемые церковные здания подвергались частичному или полному переоборудованию. Помимо этого, предпринимались попытки ликвидировать нелегальные молитвенные дома. Существенно облегчало закрытие храмов инструктивное письмо Совета по делам РПЦ № 38 от 1 июля 1949 г.¹², согласно которому церковь могла быть снята с регистрации, если обнаруживался факт нарушения религиозной общиной постановлений правительства, а также в случае систематических нарушений, касающихся заключенного договора о пользовании церковным зданием. Кроме того, церковь могла быть лишена регистрации, если по каким-либо причинам лица, подписавшие договор, переставали ее посещать. Таким образом, отказ одного из членов церковного совета от своей подписи под договором регистрации общины, смерть последнего или отъезд в другую местность могли стать поводом к расторжению договора со всей общиной¹³. Следует отметить, что еще на этапе регистрации общины уполномоченные органы тщательно проверяли подлинность каждой подписи в ходатайстве о регистрации¹⁴. В результате некоторые верующие впоследствии отказывались признавать свою подпись, опасаясь преследования со стороны компетентных органов.

Регистрации также могли лишиться церкви, в которых более полугодом отсутствовал священнослужитель. По этой причине закрылась церковь в селе Новая Станица Ульяновского района Омской области¹⁵. Позднее архиепископ Палладий (Шерстенников) столкнулся с невозможностью назначить в этот приход священника из-за отсутствия ходатайства прихожан о регистрации прихода¹⁶. Ранее малочисленность и низкая доходность данного прихода вынудили архиепископа Алексия (Пантелеева) перевести священника из этой церкви в другой приход. Предложение архиепископа Палладия (Шерстенникова) по открытию Кладбищенской церкви в Омске также было отклонено уполномоченным Советом по делам РПЦ при СМ СССР по Омской области А. Плотовым. Он объяснил архиепископу, что Кладбищенская церковь расположена в километре от функционирующей церкви и, следовательно, не может быть открыта из-за близкого расстояния к Кладбищенской церкви в Омске¹⁷. Следует отметить, что органы власти нередко отказывали в регистрации из-за «невозможности освободить церковное здание». Так, например, верующие поселка Тальменка Тальменского района Алтайского края не смогли получить здание Михаило-Архангельского храма из-за того, что оно было переоборудовано под кинотеатр¹⁸. В поселке Быстрый Исток Алтайского края помещение, приобретенное верующими, было признано непригодным для совершения религиозных обрядов. В городе Тайге Кемеровской области верующие Ильинской церкви не могли добиться от горисполкома разрешения на ремонт печи. В селе Верхотомском этой же области причиной закрытия храма стало его пожарно-техническое

состояние. При этом ремонтные работы сначала всячески затягивались местными властями, а после того, как община все-таки смогла провести их, ремонт был признан не соответствующим нормативам¹⁹. В 1949 г. в Омской области верующие молитвенного дома, расположенного в городе Исилькуле, в течение 10 месяцев просили разрешить использовать заготовленный ими ранее сруб для ремонта существующего помещения молитвенного дома. В свою очередь, уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Омской области Б. Сергеев отказывался выдавать такое разрешение вследствие того, что заготовленный сруб в пять раз превышал размер помещения молитвенного дома и данный ремонт был равносителен строительству нового церковного здания²⁰. Не получила разрешения на ремонт данная община и в 1953 г., когда священник и староста церковного совета обратились к уполномоченному Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Омской области с просьбой расширить молитвенное помещение, сделать фундамент и отремонтировать фасад²¹. В 1948 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Омской области А. Плотов заподозрил комиссию, осматривавшую предназначенный для молитвенных целей дом в городе Таре и вынесшую положительное решение, в пристрастном отношении, вследствие чего заявление общины было отправлено на вторичную проверку²².

Кроме того, известны факты якобы добровольной передачи верующими зданий церковью органам советской власти. Так, в 1949 г. упоминаемый выше уполномоченный Совета по делам РПЦ Б. Сергеев разрешил верующим села Воскресенки Калачинского района Омской области временно предоставить помещение церкви для хранения зерна. Заявление в церковный совет с просьбой передать помещение для размещения зерна подписали 63 верующих²³.

В октябре этого же года за аналогичным разрешением к Б. Сергееву обратился представитель верующих Куртайлинской церкви Саргатского района Омской области. Он сообщил, что верующие и церковный совет считают необходимым занять помещение церкви для временного размещения зерна. Важно отметить, что соответствующий протокол церковного совета, который был предоставлен Б. Сергееву лишь после неоднократных и настойчивых просьб, содержал подписи не только присутствовавших членов церковного совета, но и членов исполкома Куртайлинского сельсовета, а также секретаря местной парторганизации колхоза²⁴. О данном факте Б. Сергеев уведомил секретаря обкома ВКП(б) и председателя облисполкома²⁵.

Важно отметить, что сам уполномоченный отмечал отсутствие заметных изменений в посещаемости церковью Омска. При этом в сельской местности, по его данным, посещаемость церковью заметно сократилась. Так, например, она систематически снижалась в селе Воскресенском Калачинского района. Количество людей, посещавших церковь в селе Куртайлы, снизилось настолько, что учредители прихода были вынуждены отказаться от своих подписей и просить уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Омской области закрыть церковь²⁶. Так, в январе 1950 г. 26 прихожан храма в селе Куртайлы подали заявление с просьбой не считать их учредителями прихода и закрыть церковь²⁷.

Примечательно, что Г. Г. Карпов, будучи председателем Совета по делам РПЦ при СМ СССР, объяснял распад церковных общин и закрытие культовых зданий в сельской местности незначительной посещаемостью крестьянами воскресных служб и ослаблением интереса населения к религии. Действительно, из действовавших в СССР на 1 января 1953 г. 13 508 церквей и молитвенных домов регулярные богослужения проходили только в 9387, а в остальных совершались два-три раза в год. Тем не менее говорить о снижении посещаемости церквей из-за массового отхода населения от религии было бы не совсем верно. Во-первых, следует иметь в виду, что большая часть этих православных молитвенных зданий (11 536) находилась в сельской местности и процессы урбанизации и массовый отток сельского населения в город вследствие голода в 1946–1947 и 1949–1953 гг. могли значительно повлиять на численность прихожан храмов²⁸.

Помимо этого, в послевоенные годы проходило радикальное преобразование советской деревни, шло укрепление колхозов. Как отмечалось выше, руководство на местах зачастую крайне нетерпимо относилось к наличию на подведомственной ему территории любых культовых построек и старалось разными путями не допустить открытия церквей и молитвенных домов, а также стремилось прекратить деятельность уже функционировавших. Учитывая, что в условиях деревенского социума сложнее скрыть факт посещения культового здания, в первую очередь снижалась посещаемость именно сельских храмов, в то время как церкви в городах продолжали обслуживать как городское население, так и жителей близлежащих сельских районов. При этом публичное порицание и притеснение верующих приводили к тому, что граждане предпочитали избегать открыто заявлять о своей религиозности и совершали религиозные обряды у себя дома, обращаясь для этого к действующим или нелегальным священнослужителям. В результате такой позиции все большее распространение получало так называемое церковное подполье. В конце 1940-х гг. нелегальные богослужения фиксировались во многих регионах страны: Московской, Тульской, Рязанской, Горьковской, Калининской, Воронежской областях, Поволжье, Сибири и др.²⁹ Отдельного внимания заслуживает ситуация, сложившаяся в Алтайском крае. Численность нелегально функционировавших православных общин в данном регионе сократилась со 138 групп, действующих в 1946 г., до 32 групп — в апреле 1948 г. Резкое сокращение церковного подполья местные власти объясняли так называемыми профилактическими мероприятиями со стороны органов государственной безопасности, на деле сводившимися к угрозам в адрес руководителей нелегальных общин, а также их аресту и высылке за пределы края. В результате прекращение деятельности ряда общин было обусловлено скорее опасением репрессий, чем реальным снижением религиозности населения. Подобная ситуация была зафиксирована в разных регионах страны, например в Рязанской области, в которой в 1948 г. насчитывалось 175 незарегистрированных религиозных общин, в 1949 г. — около 200, а в начале 1950-х гг. — около 70³⁰.

Таким образом, функционирование значительного количества незарегистрированных религиозных групп на территории Западной Сибири объяс-

няется следующими факторами. Во-первых, сложная процедура получения официальной регистрации, вынуждавшая православные общины функционировать нелегально. При этом ряд авторов в своих исследованиях отмечает наличие положительной корреляции между количеством поданных заявлений о регистрации и последующим распространением нелегальных религиозных общин³¹. Так, в тех регионах, где наблюдалось большое количество ходатайств о регистрации, значительная часть которых отклонялась местными властями, впоследствии фиксировалось большое количество нелегальных религиозных групп. В качестве второй причины широкого распространения церковного подполья на рассматриваемой территории можно отметить притеснение общин верующих местными органами власти. Последние предпочитали фиксировать в своих отчетах отсутствие официально действующих церквей на подведомственных им территориях и снижение религиозных настроений у населения, «не замечая» при этом наличия нелегальных групп верующих и их деятельности.

Положение православных общин Западной Сибири в 1948–1953 гг.

В 1948–1953 гг. функционирование религиозных общин еще больше усложнилось. Несмотря на отсутствие на законодательном уровне документов, в значительной степени ограничивавших деятельность религиозных общин, и отклонение проекта постановления «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды», разработанного в сентябре 1948 г. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), верующие в регионах предпочитали лишний раз не афишировать свою религиозность и не посещать храмы.

Вследствие этого в Западной Сибири широкое распространение получило исполнение религиозных обрядов на дому. Так, например, в селе Бакшеево Тевризского района Омской области одна из колхозниц устраивала в своем доме нелегальные молитвенные собрания, на которых проводились богослужения. В Исилькульском районе приезжий священник из Курганской области, именующий себя архиереем, в течение нескольких дней нелегально устраивал богослужения на дому и крестил детей³². В районном центре Оконешниково Омской области проживала группа монашек, осуществлявших нелегальные богослужения и обряды крещения как у себя на дому, так и в домах колхозников. В этом же районе проживал бывший псаломщик Н. А. Дьяченко, производивший нелегальные богослужения и религиозные обряды не только в селах Алексеевка, Михайловка, Кирилловка, Язово и Чистово Омской области, но и в селах Чистоозерного района Новосибирской области³³. Нелегальные группы верующих были зафиксированы также и в Ойротской автономной области³⁴.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ Б. Сергеев регулярно получал заявления от служителей культа и членов церковных советов, в которых они утверждали, что верующих стало меньше и доходность церквей снижается³⁵. Тем не менее личные наблюдения Б. Сергеева свидетельствовали о том, что снижалось только количество молодежи, посещавшей церкви. Так, например, судя по отчетным документам 1948 г., в Крестовоздвиженской церкви Омска было совершено 2000 обрядов, в 1949 г. — 1900 обрядов. В Никольской церкви

в 1949 г. — проведено 2400 крещений. Доходы Крестовоздвиженской церкви в 1949 г. составили около миллиона рублей, а Никольской церкви г. Омска — около 600 тыс. рублей, Воскресенской церкви Калачинского района — 40 тыс. рублей. При этом следует учитывать, что для вовлечения большего количества верующих омские священники стали проводить крещения бесплатно или за небольшую плату, особенно когда речь шла о подростках³⁶. Велись и индивидуальные беседы с отдельными гражданами, случайно посетившими церковную службу³⁷.

В Алтайском крайисполкоме также были обеспокоены ростом количества религиозных обрядов. И если увеличение количества крещений в 1948 г. можно было объяснить ростом рождаемости в стране в первые послевоенные годы, то увеличение количества других религиозных треб свидетельствовало о большой их востребованности среди населения. При этом нередко в глазах верующих государственные и религиозные праздники были равнозначными. Так, например, если в 1948 г. в Барнауле в среднем за месяц совершалось 328 крещений, то только за один день — 7 ноября было зарегистрировано крещение 171 ребенка. В этот же день в Успенской церкви Бийска было совершено 65 крещений из 126, совершаемых в среднем за месяц в этом храме. В Рубцовске в этот день было зафиксировано 90 крещений из 210 за месяц. Подобные тенденции прослеживались также и в отношении обряда венчания³⁸.

Большое влияние на посещаемость церквей и совершение религиозных обрядов оказывала личность того или иного священника, а также регулярность совершаемых им религиозных служб. Примером может служить духовное оживление в селах Омской области, сопутствовавшее периодическим приездам архиепископа Палладия (Шерстенникова)³⁹.

Многочисленные случаи жалоб верующих на своих священников фиксировались по всей Западной Сибири. Чаще всего верующие были недовольны пьянством и образом жизни священнослужителей своих приходов, о чем свидетельствуют жалобы, поступавшие из таких городов, как Камень-на-Оби, Рубцовск, Славгород, Барнаул⁴⁰. В некоторых приходах происходили конфликты между священниками и исполнительным органом церкви, как, например, это было зафиксировано в Успенской и Покровской церквях Бийска, Покровской церкви Барнаула, в некоторых сельских приходах Алтайского края⁴¹.

В Омской области произошел конфликт между прихожанами и церковным советом Березовского молитвенного дома Исилькуля из-за разногласий, связанных с руководством церковными делами. В результате конфликта верующие разбились на две враждующие группы, одна из которых проживала непосредственно в Исилькуле, а вторая — в пригороде Березовка. Разногласия постепенно перешли во враждебные отношения, в результате которых одна из враждующих групп самовольно выбрала свой церковный совет без присутствия зарегистрированных членов совета и священника-настоятеля⁴². Примечательно, что уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Омской области Б. Сергеев в своих отчетах в Москву отмечал несомненную полезность данного конфликта, так как он вел к ослаблению влияния церкви в Исилькуле⁴³.

Еще одним способом воздействия на церковь со стороны советских органов власти являлось финансовое давление. Священники жаловались Б. Сергееву на необоснованное увеличение доходов для исчисления подоходного налога районным финансовым отделом Крестовоздвиженской церкви Омска⁴⁴. При этом представитель ревизионной комиссии одной из церквей обвинял священника в хищении денежных пожертвований⁴⁵. В свою очередь, священнослужитель утверждал, что использовал деньги не в личных целях, а на погашение подоходного налога, который он был не в состоянии выплатить из личных средств⁴⁶. Другим примером является угроза инспектора районного финансового отдела обложить настоятеля церкви в селе Ирмень Новосибирской области подоходным налогом в размере не меньше годового дохода последнего. С подобной ситуацией сталкивался и митрополит Варфоломей (Городцов)⁴⁷.

Не менее показательный случай связан с обращением монахини Е. Ф. Захаровой, исполнявшей обязанности псаломщика в Крестовоздвиженской церкви Омска. Она обращалась к уполномоченному с просьбой снять с нее налог за бездетность, ссылаясь на инструкцию Министерства финансов СССР от 13 декабря 1946 г. «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов», согласно которой монахи и монахини не привлекаются к обложению налогом на бездетность. В свою очередь, уполномоченный Б. Сергеев был вынужден обращаться в Совет по делам РПЦ за уточнением, распространяется ли это положение инструкции на монашествующих, проживающих вне монастырей⁴⁸.

В 1948 г. в Омской области была зафиксирована попытка неизвестных лиц собрать деньги с духовенства на нужды Красной армии, после чего архиепископ дал соответствующие указания по епархии, направленные на предотвращение подобных случаев. Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Омской области А. Плотов, в свою очередь, поставил в известность органы Министерства государственной безопасности, председателя облисполкома и секретаря обкома⁴⁹.

Помимо финансовых проблем, серьезной угрозой для функционирования приходов стала острая нехватка священников, так как уполномоченные Совета по делам РПЦ при СМ СССР в регионах старались убрать из прихода неудобных им священнослужителей, обвиняя последних в нарушении религиозного законодательства или финансовых аферах⁵⁰. В городских церквях Западной Сибири в рассматриваемый период времени, как правило, служили от одного до трех священников и один-два псаломщика⁵¹. Сложившийся кадровый дефицит заставил обратить внимание представителей церкви и представителей государственных органов власти на молодежь как на потенциальный источник церковных кадров⁵².

Важно отметить, что уполномоченными Совета по делам РПЦ при СМ СССР тщательно контролировались обращения представителей церкви в различные городские инстанции. Так, например, о факте покупки вышеупомянутой Крестовоздвиженской церковью шести листов алюминия на судостроительном заводе, из которых впоследствии был изготовлен бак для освящения воды, были поставлены в известность секретарь обкома ВКП(б) и председатель

облисполкома для привлечения к ответственности лиц, допустивших сделку⁵³. В 1953 г. возможность приобретения и использования автомобиля епископом Никандром рассматривалась не только в городской автоинспекции и местном облисполкоме, но и в Совете по делам РПЦ при СМ СССР⁵⁴. Кроме того, заместитель председателя Совета С. К. Бельшев указал на неправильность запрета священнику Вознесенской церкви Калачинского района Рухмалеву выезжать в соседние районы области для отправления треб верующих, отметив и. о. уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР Густову, что зарегистрированный священник может выехать в любой населенный пункт и район области, не спрашивая разрешения местных органов власти, так как границы прихода при регистрации не устанавливаются. По мнению С. К. Бельшева, попытки пресекать подобные поездки могли обернуться возросшей активностью населения в подаче заявлений на открытие церкви⁵⁵.

Заключение

Таким образом, положительные изменения, произошедшие в курсе государственно-конфессиональной политики СССР в годы Великой Отечественной войны, с 1947 г. стали постепенно сходить на нет: началось притеснение православных верующих, делая их положение сложным и неоднозначным. Уже на этапе регистрации религиозной общины верующие сталкивались с нежеланием государственных органов иметь на своей территории официально действующие приходы. Те же, кому удалось добиться регистрации, сталкивались со скрытым давлением и противодействием. При этом давление, оказываемое на верующих, было не только моральным, но зачастую и материальным. Все это привело к низкой посещаемости церквей и увеличению количества религиозных обрядов, совершаемых на дому. Закрывая простаивающие пустыми церковные здания, органы государственной власти улучшали официальную статистику по снижению религиозности среди населения. Одновременно с этим терялся контроль над все большим количеством верующих, учет которых в условиях отсутствия церковного прихода становился проблематичным.

¹ *Калашиник В. В.* Ходатайства и обрядность в Алтайском крае в период «либерализации религиозной политики» Советского государства в 1943–1949 гг. // Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие», август 2018: сб. избр. статей. СПб., 2018. С. 21–27.

² *Калашиник В. В.* Состояние церковно-приходской жизни в 1943–1953 гг. на территории Западной Сибири (по материалам Новосибирской и Кемеровской областей) // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. Краснодар, 2018. С. 33–42.

³ *Горбатов А. В.* Государственно-конфессиональные отношения в Сибири (1947–1974) // Вестник Бурятского университета. 2004. № 8. С. 85–98; *Горбатов А. В., Климова Е. С.* Финансово-хозяйственная деятельность Кемеровского благочиния Новосибирской и Барнаульской епархии в 1945–1965 годы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3 (67). С. 22–26; *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск, 2003. С. 348.

⁴ *Курляндский И. А.* Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.): исторические очерки. СПб., 2019. С. 255.

⁵ Исторический архив Омской области (далее — ИсАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

- ⁶ Барнаульская епархия: 20 лет возрождения / ред.-сост. прот. Г. Крейдун. Барнаул, 2014. С. 28.
- ⁷ *Гаврилов П. Ю., Сергоманова Е. В., Ивлева А. В.* Новосибирская епархия: история и современность. Новосибирск, 2006. С. 13.
- ⁸ *Роккуччи А.* Сталин и патриарх: православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016. С. 275.
- ⁹ *Курляндский И. А.* Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). С. 152.
- ¹⁰ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 432.
- ¹¹ *Роккуччи А.* Сталин и патриарх... С. 271, 274–275, 307.
- ¹² *Курляндский И. А.* Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). С. 255.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Государственный архив Республики Алтай (далее — ГА РА). Ф. Р. 33. Оп. 9. Д. 67. Л. 88.
- ¹⁵ ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 8. Л. 55.
- ¹⁶ Там же. Л. 58.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. Р. 536. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 8.
- ¹⁹ *Горбатов А. В., Скворцова Е. С.* «Богоборческий натиск» конца 1940-х — начала 1950-х гг. (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 28.
- ²⁰ ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 9. Л. 128.
- ²¹ Там же. Д. 11. Л. 9.
- ²² Там же. Д. 8. Л. 56.
- ²³ Там же. Д. 9. Л. 119.
- ²⁴ Там же. Л. 120.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 121.
- ²⁷ Там же. Д. 10. Л. 2.
- ²⁸ *Роккуччи А.* Сталин и патриарх... С. 335–336.
- ²⁹ *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М., 2018. С. 190–191.
- ³⁰ Там же. С. 193.
- ³¹ *Роккуччи А.* Сталин и патриарх... С. 271; *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб»... С. 194.
- ³² ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 8. Л. 64.
- ³³ Там же. Д. 9. Л. 124.
- ³⁴ ГА РА. Ф. Р. 33. Оп. 8. Д. 71. Л. 11.
- ³⁵ ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 9. Л. 125–126.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Д. 10. Л. 7.
- ³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р. 6991. Оп. 1. Д. 469. Л. 123.
- ³⁹ ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 8. Л. 59.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р. 6991. Оп. 1. Д. 469. Л. 124.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
- ⁴³ Там же. Л. 8.
- ⁴⁴ Там же. Д. 9. Л. 122.
- ⁴⁵ Там же. Л. 121.
- ⁴⁶ Там же. Д. 11. Л. 8.
- ⁴⁷ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 36. Л. 7.
- ⁴⁸ ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 10. Л. 5, 6.
- ⁴⁹ Там же. Д. 8. Л. 64, 65.
- ⁵⁰ *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. С. 131.

⁵¹ ГАНО. Ф.Р.1418. Оп.1. Д.12. Л.1; ГААК. Ф.Р.1692. Оп.1. Д.18. Л.42; ИсАОО. Ф.Р.2603. Оп.1. Д.9. Л.118.

⁵² ГАНО. Ф.Р.1418. Оп.1. Д.44. Л.9.

⁵³ ИсАОО. Ф.Р.2603. Оп.1. Д.10. Л.7.

⁵⁴ Там же. Д.11. Л.8, 13.

⁵⁵ Там же. Л.8, 12.

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2021 г.

Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Влияние советской религиозной политики на положение православных общин в Западной Сибири в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 2. С. 470–481. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.214>

Аннотация: В статье на основе документов Государственного архива Республики Алтай, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Российской Федерации, Исторического архива Омской области рассматривается реализация советской государственно-конфессиональной политики в Западной Сибири в первые послевоенные годы. С конца 1947 г. этот политический вектор стал постепенно меняться, вследствие чего религиозные общины страны все больше подвергались административному давлению со стороны советских органов власти. При прохождении процедуры регистрации верующие сталкивались с многочисленными сложностями, обусловленными нежеланием местных органов власти иметь на подведомственной им территории действующие приходы. Не стали исключением и православные общины Западной Сибири. На рассматриваемой территории в 1948–1953 гг. фиксировались множественные факты административного притеснения со стороны региональных органов власти, что приводило к низкой посещаемости церквей и увеличению количества религиозных обрядов, совершаемых на дому. Нередко религиозные общины были поставлены в условия, при которых дальнейшее функционирование прихода становилось невозможным, вследствие чего верующие были вынуждены отказываться от использования молитвенного здания. Помимо этого, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. на функционирование церквей оказывали влияние процессы миграции сельского населения в город, а также социальные и социокультурные преобразования в советских деревнях, в результате которых население старалось избегать публичного посещения религиозных объектов. Вышеперечисленные факторы приводили к усилению деятельности незарегистрированных служителей культа, вокруг которых формировался постоянный круг верующих. Это, в свою очередь, провоцировало появление большого количества нелегально функционирующих религиозных групп, деятельность которых с трудом поддавалась контролю со стороны советских органов власти в Западной Сибири.

Ключевые слова: СССР, Западная Сибирь, религиозные общины, Совет по делам Русской православной церкви, Русская православная церковь, поздний сталинизм.

Сведения об авторах: *Дашковский П. К.* — д-р ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); dashkovskiy@fn.asu.ru | *Зиберт Н. П.* — канд. ист. наук, ст. преп., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия); zibert.natalya18@mail.ru

Алтайский государственный университет, Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

FOR CITATION

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. 'The Influence of Soviet Religious Policy on the Orthodox Communities in Western Siberia in the Late 1940s — Early 1950s', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 470–481. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.214> (In Russian)

Abstract: Based on the documents of the State Archive of the Altai Republic, the State Archive of the Novosibirsk Region, the State Archive of the Russian Federation, the Historical Archive of the Omsk Region, the article

examines the implementation of the confessional policy of the Soviet state in Western Siberia in the first post-war years. Since the end of 1947, the state's confessional policy had been gradually changing, as a result of which the religious communities of the country were increasingly subjected to administrative pressure from the Soviet authorities. During the registration procedure, believers faced numerous difficulties due to the unwillingness of local authorities to have operating parishes on their territory. The Orthodox communities of Western Siberia were no exception. In the territory under consideration in 1948–1953, multiple facts of administrative harassment by regional authorities were recorded, which led to low church attendance and an increase in the number of religious rites performed by believers at home. Often religious communities were placed in conditions under which the further functioning of the parish became impossible. Therefore, believers were forced to stop using houses of prayers. In addition, in the late 1940s — early 1950s, the functioning of churches was influenced by the processes of migration of rural population to the city, as well as by social and socio-cultural transformations in Soviet villages, as a result of which the population tried to avoid public visits to religious sites. The above factors led to an increase in the activities of unregistered ministers of worship, around whom a permanent circle of believers was formed. This, in turn, provoked the emergence of a large number of illegally functioning religious groups whose activities could hardly be controlled by the Soviet authorities in Western Siberia.

Keywords: USSR, Western Siberia, religious communities, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Russian Orthodox Church, late Stalinism.

The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-18-00117 "The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the position of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia".

Authors: *Dashkovskiy P.K.* — Dr. Sci. of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia); dashkovskiy@fnp.asu.ru | *Zibert N.P.* — PhD in History, Senior Lecturer, Altai State University (Barnaul, Russia); zibert.natalya18@mail.ru

Altai State University, 61, pr. Lenina, Barnaul, 656049, Russia

References:

- Beglov A. *In search of "sinless catacombs". Church underground in the USSR* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Gavrilov P. Yu., Sergomanova E. V., Ivleva A. V. *Novosibirsk diocese: history and modernity* (Novosibirsk, 2006). (In Russian)
- Gorbatov A. V. 'State-confessional relations in Siberia (1947–1974)', *Vestnik Buriatskogo universiteta*, no. 8, 2004. (In Russian)
- Gorbatov A. V., Klimova E. S. 'Financial and economic activities of the Kemerovo Deanery of the Diocese of Novosibirsk and Barnaul in 1945–1965', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (67), 2016. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-22-26> (In Russian)
- Gorbatov A. V., Skvortsova E. S. 'Militant Atheism in the Late 1940s — Early 1950s in the Kemerovo region', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4, 2018. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-24-31> (In Russian)
- Kalashnik V. V. 'Petitions and rituals in the Altai Territory during the period of "liberalization of religious policy" of the Soviet state in 1943–1949' in *Materialy konferencij GNII "Natsrazvitie"* (Omsk, 2018). (In Russian)
- Kalashnik V. V. 'The state of parish life in 1943–1953 on the territory of Western Siberia (based on materials from the Novosibirsk and Kemerovo regions)' in *Social'no-gumanitarnyi vestnik. Vserossiiskii sbornik nauchnykh trudov* (Kransodar, 2016). (In Russian)
- Kurliansky I. A. *Power and religious organizations in the USSR (1939–1953). Historical sketches* (St Petersburg, 2019). (In Russian)
- Roccucci A. *Stalin e il patriarca. Chiesa ortodossa e potere sovietico. 1917–1958* (Moscow, 2016). (Rus. Ed.).
- Shkarovsky M. V. *Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church relations in the USSR in 1939–1964)* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Soskovets L. I. *Religious denominations of Western Siberia in the 40s–60s of 20th century* (Tomsk, 2003). (In Russian)

Received: December 22, 2021

Accepted: December 29, 2022